

Г. В. БАБИНА, Н. Ю. ШАРИПОВА

**СТРУКТУРНО-СЛОГОВАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧИ
ДОШКОЛЬНИКОВ**

**ОНТОГЕНЕЗ
И ДИЗОНТОГЕНЕЗ**

Галина Бабина

**Структурно-слоговая
организация речи дошкольников.
Онтогенез и дизонтогенез**

«Прометей»

2013

Бабина Г. В.

Структурно-слоговая организация речи дошкольников. Онтогенез и дизонтогенез / Г. В. Бабина — «Прометей», 2013

Монография посвящена рассмотрению вопросов структурной организации слов у дошкольников с нормальной и нарушенной речевой деятельностью. Представлены данные о специфических показателях несформированности слоговой структуры слова у детей с различными формами речевых нарушений и с разной степенью их проявлений. Выявлена взаимозависимость трудностей восприятия и реализации структуры слова. Проанализированы механизмы, лежащие в основе становления слоговой структуры слова, и охарактеризовано их состояние у дошкольников с различными формами речевой патологии. Представлены материалы исследования базовых неречевых процессов, значимых для формирования слоговой структуры слова у детей. Предложены основные направления коррекционной работы. Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам дефектологических, филологических факультетов и факультетов дошкольной педагогики и психологии, а также учителям-логопедам и педагогам специального образования. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Бабина Г. В., 2013

© Прометей, 2013

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
1.1 Теория слога: устоявшееся и дискуссионное	7
1.2 Восприятие и произнесение слова как совокупности структурных элементов	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Г. В. Бабина, Н. Ю Шарипова
Структурно-слоговая организация
речи дошкольников: онтогенез
и дизонтогенез: Монография

*Монография посвящается нашему учителю Ольге Алексеевне
Токаревой*

Рецензенты:

Л. И. Белякова, доктор медицинских наук, профессор,

А. А. Алмазова, кандидат педагогических наук, доцент

Введение

Искажения слогового состава слов родного языка являются одним из показателей наличия у ребенка общего недоразвития речи. Кроме того, степень нарушения структуры слова служит для специалиста фактором определения уровня речевого развития. Исследования показывают, что специальная коррекция нарушений слоговой структуры слова не всегда оказывается успешной – трудности сохраняются в школьном возрасте и проецируются на процессы письма и чтения.

Становится очевидной необходимость поиска новых путей логопедического воздействия, позволяющих оптимизировать процесс коррекции и расширить спектр традиционных подходов к устранению недостатков слогового оформления слов и собственно к рассмотрению феномена «слоговая структура слова». Указанной проблеме и посвящена данная монография.

В настоящей работе представлены результаты многолетних исследований авторов, касающихся нарушений слоговой структуры слова у детей различных категорий. На основе тщательного анализа данных литературы из таких областей научного знания, как философия, психология, лингвистика, психолингвистика, нейропсихология, физиология и другие, авторами определены когнитивные механизмы, значимые для становления процессов слогового оформления слов детьми в онтогенезе, представлены данные, касающиеся состояния этих механизмов у дошкольников с речевыми нарушениями. Кроме того, охарактеризованы базовые неречевые процессы, развитие которых определяет успешность функционирования указанных когнитивных механизмов и обеспечивает возможность нормативного восприятия и проговаривания слоговой структуры слова. В монографии получила свое отражение коррекционная направленность исследовательских материалов – авторами предложены основные направления работы по устранению недостатков слогового оформления слов у дошкольников с речевыми нарушениями.

Научная новизна работы состоит в представлении типологии нарушений восприятия и произношения слов различной структурной сложности у детей, а также в установлении того, что у дошкольников с нарушениями речевого развития выявляются различные характер и степень проявления индивидуальных показателей несформированности слоговой структуры слова и исследованных неречевых процессов.

Практическая значимость определяется возможностью использования в прикладных целях комплекса диагностических методик контроля и оценки особенностей восприятия и произношения слов различной слоговой структуры, нарушений оптико-пространственной ориентации, динамической и ритмической организации движений и действий, способности к серийно-последовательной обработке информации у детей с нормальным и нарушенным речевым развитием.

Предлагаемая монография адресована преподавателям, аспирантам, студентам дефектологических факультетов, а также педагогам, занятым в сфере практической логопедии.

Глава 1

Теоретический аспект исследования проблем восприятия и проговаривания лексических единиц

1.1 Теория слога: устоявшееся и дискуссионное

Исследования, касающиеся вопросов слога, слогосложения и слогаделения представлены в различных научных областях – лингвистике, педагогике, физиологии, физике и других.

Наибольшее количество дискуссионных вопросов по данной проблематике содержится в языкознании, а специфика диспутов касается, в основном, определения фонетической природы слога и принципов слогаделения. Современное языкознание не располагает единой концепцией слога и определения его сущности, а также единообразных принципов, отражающих членение слова на слоги и выявление границы слога.

В лингвистическом словаре слог определяется как фонетико-фонологическая единица, занимающая промежуточное положение между звуком и речевым тактом. Главными показателями и критериями выделения слога являются его изолированность по отношению к другим языковым единицам и слитность составляющих его элементов [Касаткин и другие, 1995].

В современных лингвистических исследованиях слог представляют как единство сегментных и супraseгментных единиц, образующих наименьшую структуру, которая функционирует в потоке речи, характеризуется объективными признаками (акустическими и артикуляторными) и вычленяется носителями языка при восприятии речевого потока [Потапова и другие, 2012].

Ретроспективное рассмотрение развития теории слога целесообразно начать с античной литературы, где впервые предложено определять слог наличием гласного звука, названного слогаобразующим. Соответственно, количество слогов в слове предлагается соотносить с количеством гласных звуков. Очевидно, что при таком подходе не рассматривается вопрос о принципах слогаделения и о границах слога в случае, например, стечения нескольких согласных звуков [Троцкий и другие, 1996; Велинский, 2006].

Наиболее плодотворные исследования слога и слогосложения относятся к концу XIX – началу XX вв. Последовательными трудами английских ученых [Bell, 1867; Sweet, 1987; Stetson, 1928] была разработана экспираторная теория образования слога / теория выдыхательного толчка (от лат. *expirato* – выдыхание). Согласно данной теории слог рассматривается как группа звуков, произносимых одним выдыхательным толчком, границей слога является момент самого слабого выдыхания, а количество слогов в слове соответствует количеству выдыхательных толчков. Экспираторная теория подверглась критике дальнейшими экспериментальными исследованиями. Выявлено, что количество структурных элементов в слове не всегда совпадает с количеством толчков: одним выдыхательным толчком можно произнести несколько слогов. Так, слово «дерево», состоящее из трех слогов, произносится не с тремя, а с одним выдыхательным толчком, так же как и двусложное английское слово *Russian* [rʌʃn] (Россия). Кроме того, с позиций экспираторной теории невозможно точно установить границы между слогами в случае стечения нескольких согласных звуков.

Еще одной из наиболее распространенных и значимых для понимания сущности слога, процессов слогосложения и слогаделения является теория сонарности (акустическая теория), разработанная датским лингвистом О. Эсперсеном (1940). Суть данной теории заключается в том, что слог рассматривается как сочетание более звучного (сонарного) элемента с менее звучным.

По мнению автора, деление слова на слоги зависит не от абсолютной, а от относительной сонарности соседних звуков: сколько вершин сонарности, столько слогов. Так, в слове «пятница» три вершины и, следовательно, три слога. Таким образом, вершиной слога может быть не только гласный звук, но и согласный, в зависимости от соотносительности сонарности звуков в речевой цепи.

О. Эсперсеном предложена шкала сонарности согласных и гласных звуков, включающая десять ступеней. Расположение звуков русского языка в направлении от менее звучных к наиболее ярко звучащим представлено в следующем порядке: 1) глухие смычные (п, т, к); 2) глухие шелевые и аффрикаты (ф, с, х, ш, ц, ч); 3) звонкие смычные (б, д, г); 4) звонкие шелевые (в, з, ж); 5) носовые (м, н); 6) боковые (л); 7) дрожащие (р); 8) гласные верхнего подъема (и, ы, у); 9) гласные среднего подъема (э, о); 10) гласные нижнего подъема (а).

Развивая акустическую теорию на материале русского языка, Р. И. Аванесов (1956) считает возможным ограничиваться лишь тремя степенями звучности: 1) шумные согласные 2) сонанты 3) гласные.

Дальнейший анализ показывает, что акустическая теория не учитывает особенностей распределения гласных в речевом потоке. Так, рядом могут встречаться два гласных одинаковой степени сонарности, которые возможно произнести как в два слога, так и в один, тогда как по сонарной теории здесь возможна одна вершина слога. При этом степень звучности конкретного звука не является его постоянной характеристикой, она может меняться в зависимости от различных условий. Кроме того, акустическая теория не разрешает вопроса о слогоделении, о границе слога, тогда как в лингвистике проблема слогораздела является более значимой, чем вопросы определения количества слогов в слове.

Для развития теории слога в отечественном языкознании значимой является концепция слога академика Л. В. Щербы (1939), согласно которой слог представляет собой часть речевого потока, который начинается с усиливающегося звука и заканчивается ослабляющимся.

Данная концепция известна как теория мускульного напряжения, впервые выдвинутая французским лингвистом М. Гранмоном (1937) и впоследствии дополненная трудами русских ученых [Аванесов, 1954; Трахтеров, 1956; Леонтьев, 1958; Бондарко, 1977 и другие].

Согласно рассматриваемой теории речевой поток реализуется с последовательными усилениями и ослаблениями звукового ряда. Часть речевого потока, начинающаяся усилением и кончающаяся ослаблением, называется слогом. В его вершине (иначе – центре) присутствует звук, называемый слогообразующим (или слоговым), который может быть продлен. Перед ним возможен ряд звуков (одного или нескольких), представляющих непрерывно усиливающуюся цепь и называемых неслогообразующими (или неслоговыми), например, в словах «де-ре-во», «кри-ти-ка», «стро-ить» и других. После слогообразующей фонемы может идти звук или ряд звуков, составляющих непрерывно ослабляющуюся цепь, они также называются неслогообразующими, как, например, в словах «спор», «круг», «прост» и других. Таким образом, в процессе работы произносительного аппарата постоянно происходит чередование состояния максимума и минимума мускульного напряжения, что является определяющим фактором для слоговых границ. Подъем напряжения и усиление звучности указывают начало следующего слога. Таким образом, по мнению Л. В. Щербы, слог – это комплексная фонологическая единица, представляющая собой дугу мускульного напряжения, постепенно нарастающего, достигающего до своей вершины, а затем постепенно спадающего. Со степенью мускульного напряжения автор связывает изменения акустического порядка, то есть степень громкости звуков, входящих в состав слога [Щерба, 1963].

Рассматривая проблему слогоделения, Л. В. Щерба уделяет главное внимание характеристике согласных с точки зрения мускульного напряжения, необходимого для их произнесения и их примыкания к гласному звуку. Автор предлагает определять три типа согласных: сильноначальные согласные, при которых напряжение в начале сильное, затем постепенно ослаб-

ляется, то есть конец согласного слабее его начала (образуют конец слога: ус, рад, боб и другие); сильноконечные, при которых конец согласного сильнее его начала, то есть согласный начинается со слабым напряжением, постепенно усиливающимся к концу звучания (образуют начало слога: ссора, ввоз и другие); двухвершинные, которые представляют собой сочетание сильноначального с сильноконечным при ослаблении силы напряжения между ними; такие звуки всегда находятся в интервокальном положении и определяют границу слога в момент наибольшего ослабления (ван-на, вил-ла, труп-па, а также сочетания – «кот такой», «вкус соли» и другие). Двухвершинный согласный звук является долгим, свойственен итальянскому языку и нетипичен для русского языка.

А. Л. Трахтеров (1956) указывает на особенности, присущие только слогу и отличающие его от фонемы. Фонема – это лингвистически неделимая единица, обладающая общей функцией образования звуковой оболочки слов и отличающаяся крайне пестрыми неравноценными физико-акустическими свойствами. Автор считает, что слоги представляют собой более сложные фонетические образования, разнообразные по составу, но всегда обладающие общностью физико-акустических свойств.

Физические свойства выделения слога, по мнению А. Л. Трахтерова (1956), должны быть заложены в нем независимо от ударности, так как они обеспечивают языковую специфику слога. Все физические свойства звука: силу, высоту, долготу, тембр автор относит к материальным средствам выделения слога. Основная лингвистическая функция слога, по мнению автора, – служить кратчайшим звеном акцентно-тонического строя речи [Трахтеров, 1956].

В совокупности своих акцентных вершин слоги являются кратчайшими звеньями ритмической организации речи, возникающий при этом мелодический рисунок слога представляет собой фонетическое оформление синтагмы и предложения. Наличие тонального элемента является условием, необходимым для образования слога.

Вершиной слога признается гласный как слогообразующий элемент, согласный считается периферическим элементом, выступая при этом инициатором слога [Аванесов, 1954; Леонтьев, 1956, 1958; Трахтеров, 1956].

Л. А. Чистович (1961) отмечает, что все артикуляторные признаки гласного звука содержатся в структуре, соответствующей слогу типа СГ, которая признана универсальной во всех языках мира. Известно, что в программе любой произносимой конструкции используется набор однотипных сегментов, соответствующий слогам типа СГ, только на базе такой конструкции (СГ) формируются структуры более сложные. Любые конструкции проявляют тенденцию к разложению на последовательности типа СГ.

Составляющие элементы слога обладают монолитностью или слитностью. Р. И. Аванесов (1954) рассматривает слитность как основной критерий целостности слога. Монолитность трактуется А. Л. Трахтеровым (1956) как единство однородного элемента и как максимальную слитность элементов друг с другом. Таким образом, понятие речевого звука не имеет прямого коррелята в речевом потоке, где слог – минимальный сегмент.

А. А. Леонтьев также определяет слог как минимальный сегмент потока речи, который может быть произнесен в изолированной позиции: «слог – это особенно неуловимая единица, психолингвистическая единица, имеет множество коррелятов, как в языковом стандарте, так и вне его, на разных уровнях физиологической активности организма» [Леонтьев, 1956, с. 182]. По мнению автора, условием для выделения слога является критерий «актуальной изолированности» [Леонтьев, 1965].

Большое значение для привлечения внимания исследователей к проблеме структурных составляющих слога имеют работы Л. В. Бондарко (1968, 1977). Автор выявляет зависимость опознания слога от выраженности его контрастов (на основе входящих в него элементов): контраст по громкости – от минимального на глухом взрывном согласном к максимальному на гласном; контраст по формантной структуре – от полного ее отсутствия на глухом взрывном

согласном до четкой формирующейся структуры гласного; контраст по длительности – от мгновенного шума взрывных до длительного звучания в гласных; контраст по участию голосовых складок – от глухих согласных к гласному; контраст по месту образования, связанный с начальной и конечной частотой второй форманты гласного (максимальный контраст в а-словах, минимальный – в и-словах).

Согласно ее предположению, слоги с более яркими контрастами опознаются лучше, чем слоги с сонантами; слоги с мягкими согласными – лучше, чем слоги с твердыми согласными; слоги с контрастом по локусу – лучше, чем слоги без такого контраста. На опознавание слога влияет контраст согласного со следующим гласным, так как в слогах с начальным звонким согласным голос характеризует весь слог, поэтому граница между звонким согласным и гласным уже перестает быть достаточно четкой. Только граница между звонким взрывным или шумным согласным и гласным воспринимается достаточно хорошо. Кроме того, опознание слога меняется в зависимости от его позиции. Лучшей опознавательной характеристикой обладают ударные и первые предударные слоги, худшей – заударные слоги [Бондарко, 1977]. В более поздних исследованиях установлено, что ударные слоги являются «островками фонетической надежности» при распознавании гласных, фрикативных согласных, неударные слоги – при категоризации сонорных согласных [Потапова, 2012, с. 153].

Современные исследования в области лингвистики свидетельствуют о том, что первая ступень, на которой реализуется слог, относится к уровню «фонетического слова». С понятием «фонетическое слово» идентифицируют понятие «ритмическая структура», которая состоит из одного или нескольких слогов, объединенных одним главноударным слогом. Заданный главноударный слог группирует вокруг себя слабоударные (безударные) слоги. Рассматривая феномены «ритмическая структура» и «фонетическое слово» следует отметить, что их концептуальные характеристики могут выступать как синонимичные, однако эта синонимичность зависит от структурно-грамматических либо ритмических особенностей конкретного языка [Потапова, 2012].

Для русского языка характерным является действие звуковых закономерностей в пределах самого слова (о некоторых можно сказать, в пределах фонетического, то есть самостоятельного слова с примыкающими к нему безударными словами или частицами). По мнению известного исследователя А. А. Потебни (1958), распределение слогов в словах русского языка определяется по специфической формуле – 12311. Расшифровка формулы следующая: перед ударным, самым сильным слогом (3) находится первый предударный, менее сильный (2), при этом все остальные слоги (1) имеют еще более слабую ударную позицию. Данная формула распределения ударных и неударных элементов слова в русском языке отнесена к закрытым словам. Все открытые слоги, за исключением главноударного, по мнению автора, равны по силе предударному. Рассматриваемая формула распределения силы и длительности слогов, предложенная

А. А. Потебней, применима как к изолированному слову, так и к взаимодействию слогов и их элементов в потоке речи.

Рассматривая в качестве сравнения другие языки, можно отметить следующее. Например, в немецком структурирование ударных и слабоударных элементов слова осуществляется в соответствии с его морфологическим строением. Характерно, что помимо главного ударного элемента слово может иметь и второстепенные акценты. Для каждой морфологической модели свойственно собственное ритмическое строение [Гуревич, 2000]. Для французского языка характерным является объединение единым ударением группы слогов, которые могут превышать по своей длительности некоторые слова. Ударение в подобных ритмических группах всегда падает на последний слог последнего слова данной группы [Потапов, 2004]. В английском языке существуют собственные условия употребления термина «фонетическое слово». В данном случае под «фонетическим словом» понимают множество единиц, образующих последо-

вательности качественно самостоятельных, но объединенных друг с другом звуков. Указанные объединения могут образовывать слог или несколько слогов, находясь при этом в строго определенных акустико-ритмических отношениях [Торсуев, 1966].

Согласно экспериментально-фонетическим исследованиям ритмических структур в потоке речи происходит перераспределение последовательностей звуков, которое влечет за собой возникновение побочных слогов. Данные образования являются элементами, базой для построения фонетических слов (и/или ритмических структур). Именно фонетическое слово выступает проводником для слога к единицам более высокого уровня [Златоустова, 1970, 1979; Потапов, 2004]. В устных сообщениях присутствуют не просто собственно языковые единицы, а единицы ритмически организованные. Ритмизация речевого потока по своей природе национальна, то есть индивидуальна для каждого языка. С одной стороны, ритм – «это манипуляция речи во времени» (Лосев, 2006), с другой стороны, речевой ритм обладает культурной памятью, что определяет как процесс говорения, так и процесс восприятия.

Слог как опорная единица сегментации звучащего потока в современной лингвистике условно разделяется на фонетический и фонологический типы. В понятии фонологического слога заложен подход к определению границы слога в качестве единства, в котором находится подчиняющаяся определенным правилам каждого языка фонемная комбинация. Именно фонологические критерии используют при определении, разграничении и описании слога.

Термин «структура слова» трактуется как соотношение частей звуковых единиц. Отрезок звуковой цепи, объединенный одним словесным ударением, назван Л. Л. Касаткиным и Е. В. Клобуковым (1995) термином «фонетическое слово» [Касаткин и другие, 1995, с. 80].

Многочисленными исследованиями установлено, что наиболее значимой информацией при определении количества фонетических слов в любом речевом потоке является практическое знание о типах частотных ритмических структур, характерных для данного языка. Согласно исследованиям Л. В. Златоустовой (1970) для русского языка характерными являются двусложные структуры хорейского типа и трехсложные с ударением на втором слоге.

Анализ литературы, касающейся теории слога, слогосложения и слогоделения, позволяет говорить о том, что обширный спектр исследований XX столетия, раскрывающих дискуссионные и традиционные вопросы, образует методологическую базу многих научно-практических изысканий, в том числе в области коррекционной педагогики (логопедии).

1.2 Восприятие и произнесение слова как совокупности структурных элементов

Характеристика процессов *восприятия, опознания и проговаривания* слов как структурно оформленных единиц представлена в ряде психологических, лингвистических, психолингвистических исследований [Фант, 1960; Якобсон, 1966; Лосик, 2000; Werker & Tees, 1999; Либерман, Маттингли, 1989; Векслер, Каликовер, 1980; Айверсон, Куль, 1994 и другие]. Данные труды свидетельствуют о том, что процессы восприятия и воспроизводства вербальных единиц имеют общие психологические особенности, что позволяет определять речь как сложный интермодальный механизм. Общность психологических характеристик производства и восприятия речи рассматривается как одно из проявлений полиморфизма в вербальном общении, так как эти процессы являются составляющими единой лингвистической способности [Зимняя, 1973; Зинченко и другие, 1977; Зимняя, 2001].

Основными теориями, объясняющими процесс восприятия речи, являются сенсорная и моторная теории речевосприятия. Акустическая трактовка восприятия устной речи отдает предпочтение преимущественному участию слухового анализатора в процессе принятия, переработки входящего сигнала и сличения его с имеющимся акустическим эталоном [Фант, 1960; Якобсон, 1966]. В моторной теории доминирующая роль отводится артикуляторной активности, возрастающей с поступлением входящего речевого сигнала, с последующим опознанием поступившего акустического раздражителя на основе сличения моторных команд с имеющимися эталонами [Чистович, 1976; Либерман, 1962 и другие].

В исследованиях последнего десятилетия накоплено значительное количество экспериментальных и теоретических данных, высвечивающих дискуссионные вопросы, касающиеся обеих теорий [Векслер, Каликовер, 1980; Лосик, 2000 и другие].

По мнению Т. Н. Ушаковой (2004), обоснованию сенсорной теории препятствует невозможность выявления инвариантных признаков акустических сигналов и эталонов в потоке речи.

Позиция современных исследователей в отношении моторной теории характеризуется целым рядом критических высказываний. Одни ограничиваются признанием слабых сторон и предпринимают попытки новых экспериментальных доказательств, стремясь разрешить спорные вопросы. Так, в работах Г. В. Лосика (2004) говорится о естественном обучении младенца восприятию акустически нестабильной речи. В основу данной теории была положена гипотеза о том, что константность восприятия речевого сигнала обеспечивается функционированием в слуховой системе человека механизма, включающего в себя перцептивные действия, с помощью которых в воспринимаемом речевом сигнале слуховая система декодирует информацию о вариативности его произнесения. На ранних стадиях онтогенеза в слухоречевую систему человека поступают сведения о способах искажения и нормализации речевого сигнала. Согласно предложенной концепции, в слухоречевой системе формируются не только эталоны звучания речевых единиц, но и слуховая модель моторной системы, которая воспроизводит эти единицы, благодаря чему слушающий способен моделировать возможные отклонения и подстраивать воспринимаемую информацию под эталон [Лосик, 2000]. Другие исследователи полностью отвергают теорию моторного речевосприятия. Основные претензии авторов касаются того факта, что ребенок, не владеющий речью, не обладает моторными эталонами, следовательно, не может различать слышимую речь. Кроме того, вариативность моторных команд не может обеспечить надежность и прочность эталонов [Ушакова, 2004].

По мнению ряда авторов лингвистического направления, процессы речевосприятия и речевого производства является не чем иным, как реализацией языковой программы, при этом

переход от языкового правила к языковому действию обусловлен определенной системой норм, принятой для данного языка [Зиндер, 1958; Зимняя, 1973; Леонтьев, 1991 и другие].

Особую нишу в исследовании проблем восприятия и моторной реализации речевых сигналов занимает теория подражания. В зарубежной и отечественной психологии вопросам подражания (имитации) уделялось большое внимание.

Психологический феномен «подражание» в развитии моторных функций ребенка играет важнейшую конституционную роль. В работах физиологов отмечается, что рефлекс подражания заключается в стремлении копировать действия, выполняемые другими. При этом природа подражания связывается с автоматическим «считыванием» информации и трансформацией перцептивного (звукового и/или зрительного) образа в модель двигательного акта.

В исследованиях психологического направления к подражанию как особому виду поведения относят имитацию речевых звуков и их комплексов, движений рук (в том числе кистей и пальцев), мимических движений и прочее. Ряд авторов отмечает, что ориентация на подражание является промежуточной стадией между инстинктивным и намеренным действием.

Исключительную ценность представляют труды А. В. Запорожца (1960), особенно те, которые проливают свет на процессы овладения ребенком звучащей речи. Ведущим во взглядах ученого на природу подражания является отнесение проблемы образа (представления об имитируемых действиях) к «центральной проблеме психологии подражания». Основываясь на ключевых положениях рефлекторной теории подражания, А. В. Запорожец вслед за И. М. Сеченовым (1947) в качестве наиболее значимых выдвигает вопросы происхождения образа имитационных действий (движений) и вопросы дальнейшего регулирующего влияния этого образа на действия подражающего субъекта.

Имитируемое действие (или комплекс действий) выступает в качестве конечного звена подражания, ему предшествуют другие (в том числе психологические, перцептивно детерминированные) звенья. Данная позиция предопределяет отнесение феномена подражания к сложному, многофазному процессу.

К первой фазе исследователи относят построение «образца, образа действий», наблюдаемых субъектом.

И. М. Сеченов (1947) именует данные образы «мерками для подражания». На этой фазе осуществляются первые попытки имитации воспринятого (представляемого) действия, при этом связь между перцептивными (звуковыми, зрительными) и двигательными впечатлениями может быть непрочной, что обуславливает лишь приблизительное соответствие исполнения воспроизводимому образцу.

Вторая фаза подражания представляет собой «фазу отработки исполнительных реакций», в ходе которой идет «подравнивание своих движений к образцу» до наступления соответствия реакции ее образцу [Сеченов, 1947, с. 265].

Представленные рассуждения являются основанием для заключения о том, что процесс овладения произвольными движениями опосредован образованием прочных связей, формируемых на модели восприятие – воображение – движение.

В исследовательских работах по теории подражания имеются точки зрения, согласно которым механизмы подражания идентифицируются с механизмами идеомоторных актов.

Идеомоторика рассматривается как представление о реальных движениях. В структуре этого представления наличествуют перцептивные (зрительные, слуховые, кинестетические образы) и эффекторные элементы. При этом эффекторные составляющие предопределяют возникновение осязаемого двигательного импульса (в виде микродвижения). Осуществление произвольного движения предваряется представлением (образом), которое является для него пусковым механизмом. Для реализации (повторения) любого произвольного движения необходима опора на кинестетические ощущения, полученные ранее. На основе данных рассуждений можно говорить о том, что идеомоторный акт является первой фазой подражания восприня-

тому действию. В целом же имитация (или подражание) предполагает путь от восприятия соответствующего объекта (звука, движения и прочего) через представление о нем (идио-моторный акт) к материальной реализации (выполнению).

Рассмотренные концепции теории подражания и их значение для разьяснения механизма овладения устной речью получили свое подтверждение и дальнейшее развитие в ряде современных психолингвистических и нейропсихологических исследований. Установлено, что имитативные вокализации детей обеспечиваются образованием контакта между слуховыми и моторными зонами мозга [Ушакова, 2011]. Образование этих связей является основой для перехода от наблюдения сигналов (звучания, артикулирования) к их моторной реализации. В дальнейшем происходит усложнение этого процесса: восприятие ребенком звукокомплексов, в том числе собственных, приобретает апперцепционный характер, то есть определяется не только внешним раздражением, но и внутренним и внешним опытом (апперцепционной массой) [Якубинский, 1997].

А. В. Венцовым и В. Б. Касевичем (2003) предложена теория «перцептивной сегментации». По мнению авторов, носитель языка обладает возможностью представить спектрально-временной континуум акустического речевого сигнала. При этом условии сегментация оказывается возможной. Результаты перцептивной сегментации влияют на идентификацию языковых единиц. Предлагается различать два типа сегментации – мик-ро– и макросегментацию. В первом случае речь идет о делении непрерывного речевого сигнала на некоторые минимальные отрезки. Такая сегментация дает возможность судить о длительности вычлененных отрезков, оценивать степень синхронности их появления в речевом потоке и, наконец, идентифицировать. Макросегментация предполагает членение текста на слова, синтагмы и фразы [Венцов, Касевич, 2003].

С проблемой перцептивной сегментации в определенной мере соотносятся вопросы, касающиеся зависимости восприятия от степени ритмизированности речевых структур. В ряде исследований показано, что снижение ритмизации структурированных речевых элементов значительно понижает качество их восприятия, и наоборот, степень разборчивости повышается при возрастании уровня ритмической упорядоченности [Allen, Hawkins, 1980; Венцов, Касевич, 2003]. В своих исследованиях объясняют данный феномен тем, что слушающий предвидит место ударения и сосредоточивает внимание на данном моменте: «Ритмическая структура обеспечивает полезную перцептивную избыточность в речи путем снижения неопределенности в усмотрении моментов, когда могут произойти важные (с артикуляторной точки зрения) события» [Allen, Hawkins, 1980, с. 15]. А. В. Венцов, В. Б. Касевич (2003) отмечают, что «речевые структуры со всеми признаками, включая фонологические, в известном смысле налагаются на ритмические «волны», порождаемые независимым генератором сложных ритмов». Кроме того, авторы отмечают, что так называемые «сложные ритмы» имеют отчетливые биологические истоки, но обладают конкретной языковой спецификой (то есть находятся в некоторой зависимости от конкретного языка) [Венцов, Касевич, 2003, с. 65]. Акцентно-силлабическая модель русского языка признается лингвистами одной из наиболее сложных моделей среди мировых языков. Нефиксированное, разноместное ударение русского языка предоставляет слушателю и говорящему многообразную информацию и предполагает необходимость высокой степени ориентирования в ней.

Независимо от предпочтений все исследователи признают факт раннего проявления способности младенца к различению речевых сигналов и предпринимают попытки объяснения и изучения данного феномена [Ушакова, 2004; Лосик, 2000, Венцов, 2000 и другие]. При этом постулируется, что восприятие структурных элементов речевого потока по своей сути мало отличается от других форм перцептивной деятельности. Кроме того, исследователи предполагают, что пробуждение и развитие речеразличительной способности относится к последним месяцам внутриутробного развития ребенка.

В исследованиях по когнитивной психологии представлена теория «инстинкта формы слова», которая позволяет говорить о том, что у ребенка присутствует врожденная способность узнавать воспринимаемую структуру и определять, существует ли она в родном языке. То есть человек появляется на свет, обладая схемами, чувствительными к восприятию и выражению определенных компонентов языка (речи) [Найсер, 1998]. Автор полагает, что дремлющий инстинкт формы пробуждается в процессе общения с матерью и совершенствуется (поддерживается) постоянно. Элементарные навыки восприятия ритмически-организованных лексических структур формируются на основе контрастных сопоставлений, чередующихся по силе, высоте, темпу, что приводит к образованию предвосхищающих схем в отношении структурированных звуков родного языка. Термином «схема» («перцептивная схема») автор называет часть полного перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к воспринимаемому, модифицируется опытом и обладает способностью изменяться под воздействием исследовательской деятельности слушающего. Слушающий постоянно формирует специфическое состояние готовности (предвосхищения) в отношении того, что должно последовать. «Перцептивная схема» имеет сложную структуру, и в то же время она является одной из фаз непрерывной и циклической активности, которая обеспечивает связь воспринимающего со средой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.